

ЛУКОМОРЬЕ

2 г. ИЗДАНІЯ
№ 2
1913



Налетъ кавалеріи.

Авт. проф. Н. Самокіша.

ЛУКОМОРЬЕ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛЪ.



Ставящій своею задачею художественное отраженіе жизни во всѣхъ ея областяхъ.

Въ настоящее время особенное вниманіе удѣляется войнѣ, событія которой иллюстрируются извѣстными художниками.

Въ журналѣ печатаются повѣсти, рассказы, фельетоны, стихи лучшихъ современныхъ писателей, помѣщаются произведенія выдающихся художниковъ, даются иллюстраціи событій, карикатуры, шаржи.

Особенностью журнала являются красочные рисунки.

Открыта подписка

на второй годъ изданія 1915-ый. Цѣна на годъ съ доставк. и перес.—9 р., на полгода—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. 50 к.

Деньги просятъ адресовать: Петроградъ, Невскій пр., д. 40. Конторѣ журнала «Лукоморье». Подписка принимается кромѣ того въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ Москвѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Ростовѣ на Дону и Харьковѣ.

Редакторъ-Издатель М. А. Суворинъ.

Завѣдыв. художеств. отдѣломъ Г. Магула.

Продается въ магазинахъ „Новаго Времени“
и др. книжныхъ магазинахъ

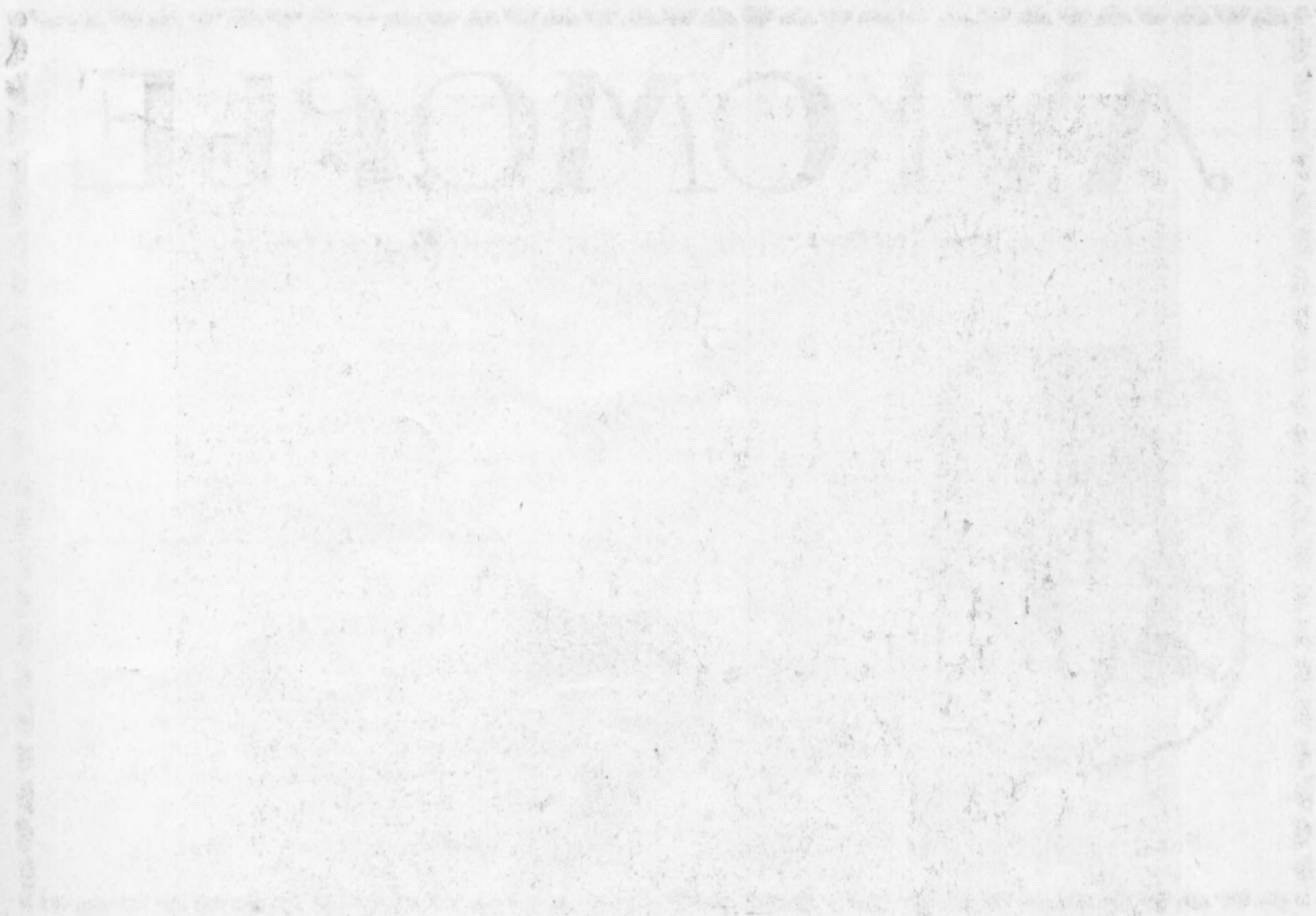
ЦѢНА
ОДИНЪ РУБЛЬ.



32 рисунка.

КРАСИВЫЙ АЛЬБОМЪ

Журналъ «Лукоморье» набирается на машинѣ «Монотипъ».



БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР



Ген.-отъ-виф. Ю. П. Дашловъ.

ЛУКОМОРОЕ

№ 2.

10 января 1915 г.



Пять путешественниковъ.

Высокій учитель чуть не свалился, зашнувшись о тонкую бичевку, протянутую на четверть аршина отъ пола, одинъ конецъ которой былъ привязанъ къ классной доскѣ, другой же терялся подъ задними партами.

— Это еще что?—проворчалъ онъ, поправляя пенсне.

Изъ сдержаннаго смѣха и какого-то секретнаго оживленія, прошедшаго по классу, послышалось что-то вродѣ «минное загражденіе!..»

— Кто же долженъ получить за это минное загражденіе имяинное награжденіе?—спросилъ учитель, раскрывая журналъ.

Онъ былъ признанный остроумецъ и старался держать себя по-русски, балагуромъ, хотя фамилія его была Цванцигъ.

— Убрать это сооруженіе: вы еще не въ дѣйствующей арміи. Навѣрное, это вы придумали, Окошниковъ, недаромъ у васъ такой сонный видъ.

— Я? Да почему я, Евгений Павловичъ?—оправдывался красный, слишкомъ высокій для всего пятого класса, и, дѣйствительно, нѣсколько сонный мальчикъ.

— Ну, не вы, такъ Николаевъ.

— Нѣтъ, Евгений Павловичъ, это

не я,—отвѣтилъ сухо болѣзненный, черненькій подростокъ и сейчасъ же опять спустился на скамью.

— Я вовсе не считаю васъ, государи мои, за какихъ-то особенныхъ шалуновъ или острыхъ разумомъ Платоновъ, но я однажды былъ случайнымъ слушателемъ вашего «политическаго» разговора и, помня вашъ тогдашній воинственный азартъ, не удивился бы, если бы вы его примѣнили и въ нашемъ «храмѣ науки», хотя наше заведеніе, особенно по составу слушателей, не болѣе какъ преддверіе, антишамбръ настоящей науки, подлинная же тамъ, у бывшаго Троицкаго моста, въ коллегіяхъ, почему и студенты до сей поры называютъ другъ друга коллегами...

Николаевъ нахмурился во время рѣчи Евгения Павловича и не обращивался на толчки, которыми старался привлечь его вниманіе еще болѣе покрасѣвшій Окошниковъ. Имъ было досадно, что ихъ разговоры, которые они считали необыкновенно важными и секретными стали извѣстными, да еще такому болтливому человѣку, какъ Евгений Павловичъ. Едва кончился урокъ, какъ они поспѣшно поднялись на верхнюю площадку

лѣстницы, гдѣ никогда никого не было, такъ какъ ученикамъ ходъ туда былъ запрещенъ, да и ходить то на эту площадку, на которой находилась только дверь въ инспекторскую квартиру, было незачѣмъ. Сѣвъ на подоконникъ, Николаевъ началъ озабоченно:

— Какая досада, что этотъ болтушка гдѣ-то подслушалъ, какъ мы стоваривались, Ильюша!

— Да, скверно!—отвѣтилъ тотъ довольно равнодушно.

— Да, не скверно, а отвратительно, невѣроятная гадость. Во-первыхъ, это вообще неприятно, а во-вторыхъ, онъ можетъ донести инспектору, даже до-мой написать—съ него станется!

— Ну, что онъ тамъ слышалъ! Какіе-нибудь пустяки. Такъ болтаетъ. Вѣдь мы въ училищѣ и говорили то очень мало...

— Я удивляюсь тебѣ, Окошниковъ, какая ты рохля! А еще собираешься на такое дѣло...

— Какая же я рохля, Николаевъ? Но не могу же я кипятиться по пустякамъ!

— Какъ по пустякамъ! Ну, что ты теперь дѣлаешь?

— Слушаю тебя.

— Ничего подобнаго, смотришь,



Юные разведчики.

Рис. Сergyо.

какъ приготовишки въ снѣжки играютъ.

— Ужъ и въ окно не взгляни—какія строгости!

Окошниковъ покраснѣлъ и сѣлъ спиною къ стеклу, черезъ которое было дѣйствительно видно, какъ, соскребая снѣгъ съ мощеннаго двора, бѣгали и визжали маленькіе реалисты въ длиннополыхъ до пять пальто. Николаевъ помолчалъ, но потомъ, видя, что его собесѣдникъ сидитъ, не поворачиваясь, очевидно, смлостивился и началъ, хотя и суровымъ голосомъ, по которому можно было принять и за дѣловой.

— Оедора Цибулю видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Говорилъ съ нимъ?

— Говорилъ.

— Какъ слѣдуетъ?

— Какъ слѣдуетъ.

— У меня тутъ еще одинъ кандидатъ есть отъ сапожнаго мастера. Можетъ быть полезень...

Окошниковъ, видя, что Вася даже посвящаетъ его въ свои планы, подобострастно замѣтилъ:

— Это вѣдь ничего, что отъ сапожника: намъ всякіе годятся.

Николаевъ только презрительно дернулъ острымъ плечикомъ, ничего не промолвивъ.

— Вотъ Оедя хотѣлъ привести ко мнѣ даже не отъ сапожника, а просто мальчика, никакого.

— То есть какъ никакого?

— Онъ—ничей и нигдѣ не живетъ.

— Хулиганъ что ли?

— Вродѣ того, хотя фамилія его—Разумовскій.

— Это ничего не значить. У тебя Окошниковъ, хоть ты изъ купцовъ, ужасно аристократическія воззрѣнія. Не понимаю, откуда это? Или отъ твоей глупости?

— Что же я дуракъ, по твоему?

— Не умень. Да это, можетъ быть, еще лучше. Ты не унывай и не обижайся.

Видя, что товарищъ изъ купцовъ падулся, Николаевъ примирительно заключилъ:

— Такъ завтра на дворѣ у васъ, за сараемъ. Только ты постарайся денегъ достать.

— Дуракъ, дуракъ, а денегъ доставать, такъ я долженъ!..

У Окошниковыхъ уже чувствовалась близость праздниковъ: бабушка и мать постились, отецъ позже запираетъ лавку и дома долго еще шелкалъ на счетахъ, вездѣ былъ какой-то особенный беспорядокъ, пыль и запустѣніе, которые копятыя будто для того,

чтобы разительнѣй былъ контрастъ съ праздничной чистотою. И на Ильюшу какъ то меньше обращали вниманія, хотя и вообще онъ не могъ пожаловаться на излишнюю опеку. Такъ, когда попадется отцу на глаза, тотъ скажетъ: «Учись, учись, Илья! Нечего словъ продавать, а то сейчасъ въ кассу посажу!» Мать увидитъ,—пойдетъ, что Ильюша худѣетъ, мало ѣсть. Бабушка проворчитъ, что не крестясь, за столъ садится,—но всѣ эти замѣчанія были мимолетными и сейчасъ же забывались, вовсе не предназначаясь для скорого исполненія. Зайдетъ ли въ которую-нибудь изъ двухъ комнатъ, называемыхъ «молодцовскія», гдѣ въ одной на двухъ кроватяхъ помѣщались два холостые приказчика, въ другой на двухъ же кроватяхъ четыре мальчика, по двое на каждой,—сейчасъ къ нему съ вопросомъ: не получилъ ли Илья Васильевичъ кола, не побилъ ли его кто и т. п. Теперь же тамъ больше занимались политикой по «Петроградскому Листку», а если и играли на маподлинахъ, то не прерывали этого занятія при приходѣ хозяйскаго сына, лишь очищая ему мѣсто на твердомъ диванѣ. Окошниковъ все высчитывалъ, сколько онъ получитъ къ празднику:

отъ отца, пять рублей, отъ матери—три, отъ старшаго брата—рубли, отъ бабушки—полтинникъ. Изъ нихъ нужно молодцамъ купить орѣховъ. Всего девять рублей останется—не больше. Капарейку что ли продать? Замѣтять... Нужно рублей двадцать достать, на остальныхъ компаньоновъ плоха надежда. Войти развѣ въ соглашеніе съ Прохоромъ Ивановичемъ, взять изъ магазинной кассы? Потомъ вернуть, конечно... Да если бѣ отецъ зналъ, онъ самъ не пожалѣлъ бы!... Нѣтъ, открываться никакъ нельзя, уже по одному тому, что онъ далъ Николаеву клятву не дѣлать этого. Ильюша съ тоскою посмотрѣлъ на сухое лицо Прохора, причесывавшагося гребешкомъ. Нѣтъ, тотъ не согласится. Въ комнатахъ было тепло, въ сосѣдней мать съ бабушкой уже совѣщались о праздничныхъ покупкахъ, а тамъ то, навѣрное, вѣтеръ свищетъ, пули, снѣгъ!.. Не будетъ мягкихъ подушекъ въ полосатыхъ наволочкахъ, ни пироговъ по праздникамъ, ни матерн, ни бабушки, ни капарѣекъ, ни Прохора Ивановича,—даже ничего не будетъ!.. Но будетъ что-нибудь другое! Не можетъ быть, чтобы такъ-таки ничего не было. Но неизвѣстное пугало Ильюшу, обладавшаго отъ природы нѣжною и нѣсколько робкою душою. Нельзя однако сказать, что къ тому шагу, на который онъ рѣшился, подстрекнули его слова Николаева, который вообще всегда и всѣмъ былъ педоволецъ. Нѣтъ, впервые подвергли къ отвагѣ и риску кроткаго Ильюшу безформенные, похожие одинъ на другого, гдѣ кромѣ типографскихъ грязныхъ пятенъ почти ничего нельзя было разобрать, портреты въ «Петроградскомъ Листкѣ». Юные герои: гимназисты, реалисты, казачки, просто такъ мальчики, шестнадцати, четырнадцати, двѣнадцати и даже десяти лѣтъ. Окошниковъ не только научился видѣть глаза и носъ въ сплошной сѣрой грязи, но даже различалъ одного героя отъ другого, помнилъ ихъ имена и все воображалъ себѣ подпись: «Окошниковъ Илья, пятнадцати лѣтъ». Иногда онъ произносилъ вслухъ эти слова и прислушивался: будто вдали на Кирочной идутъ солдаты, а у Спаса Преображенья звонятъ къ вечернѣ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе на Ильюшу производятъ слова: «Отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго». Это онъ произноситъ истово, будто читаетъ Апостола и съ трудомъ удерживается, чтобы не прибавить «вопмемъ». И протія, сдержанныя, русскія торже-

ственные слова донесеній несутъ въ себѣ необыкновенную убѣдительность и возвращаютъ каждому слову его точное первоначальное значеніе, такъ что, когда тамъ читаешь «лихая атака», то знаешь, что это—не красота стиля беззаботнаго корреспондента, а подлинно «лихая атака»—ничего больше, но и ни на пядь меньше. Гдѣ бы не видѣлъ Ильюша хотя бы клочекъ газеты съ этими строчками, печатанными жирнымъ шрифтомъ, на него находилъ какой-то туманъ и нѣсколько сонный восторгъ,—и тогда бабушка, пироги, подушка—казались неважными, не переставая быть милыми, а настоящее, торжественное, суровое и блистательное—тамъ. Неужели онъ,

Ильюша Окошниковъ, поминутно краснѣющій, откормленный ватрушками, да блинчиками, сможетъ хотя бы подержаться за ту завѣсу, за которой все важное, божественное и слушая о чемъ всегда нужно про себя вымолвить: «премудрость прости!»

А десять то рублей взять гдѣ! Дня черезъ два нужно бѣжать, гдѣ же ихъ взять? Ильюша съ тоскою обвелъ глазами свою комнату: широкая кровать, сундукъ, ломберный утлый столикъ съ тетрадами и книгами, Казанская въ углу, закрытая клѣтка у окна, ремень на полу... Гдѣ же десять рублей?

Въ дверь бокомъ вползла мать, держа руку въ кармагѣ, гдѣ тихо звякали ключи.



Назнаецъ.

Акад. Л. Дмитриева-Кавказскаго.



Зима.

Каргузь-Смоленскій.

— Ильюша, ты не спишь?
— Нѣтъ, мама,—отвѣтилъ тотъ, вставая.

— Вотъ что, другъ мой... Сослужи мнѣ службу. Скоро праздники, а сама я въ этомъ не понимаю... по секрету надо сдѣлать... какъ пойдешь изъ училища, зайди къ Виноградову и купи гармонь молодцамъ. Я не знаю, какую надо, самъ выбери... И незамѣтно съ чернаго хода пронеси. Я встрѣчу и гармонь спрячу. Очень имъ хочется, да мнѣ и самой мандолина то надоѣла. Вотъ тебѣ десять рублей, завтра, или послѣ завтра, какъ улучишь время, и сходи. Понялъ?—спросила она, видя, что Ильюша, зажавъ бумажку, ничего не говоритъ.

— Понялъ.

— Хорошую выбери, попробуй.

— Попробую.

— Деньги то не потеряй.

— Нѣтъ, нѣтъ, — пробормоталъ Ильюша, крѣпче сжимая бумажку и глядя на лампадку передъ Казанской.

Вася Николаевъ занимался политикой и чтеніемъ газетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Окошниковъ Ильюша. Можетъ быть, это происходило оттого, что онъ читалъ другія газеты, а можетъ быть, отъ разности характеровъ и домашней обстановки. Сынъ небогатаго чи-

повника, недовольнаго и своимъ положеніемъ, и начальствомъ, и всѣмъ на свѣтѣ, такъ какъ приходилось еле-еле сводить концы съ концами, Вася привыкъ къ секретному фрондерству и къ тому, что называется, держать кукишь въ карманѣ, но у него по молодости лѣтъ этотъ кукишь часто вылѣзалъ и наружу. Онъ все бранилъ, причемъ такимъ газетнымъ выраженіями, что прослылъ мальчикомъ умнымъ, самостоятельнымъ и чуть-чуть опаснымъ. Главнымъ его удовольствіемъ было умничать и командовать, будто этимъ онъ возмѣщалъ хотя бы отчасти разныя домашнія несправедливия по его мнѣнію, недостатки. Стремленіе начальствовать подружилось его съ Окошниковымъ, желаніе же быть самостоятельнымъ и протестовать побудило къ побѣгу. Побѣгъ— всегда протестъ. И въ предполагаемой компаніи онъ, конечно, будетъ главой, вдохновителемъ и распорядителемъ. Его черные глазки горѣли и въ разговорахъ на дворѣ за сараемъ сквозь избитыя газетныя фразы чувствовалось настоящее одушевленіе.

Въ назначенное время Николаевъ явился со своимъ кандидатомъ Петромъ Ямовымъ, сапожнымъ подмастерьемъ. Пѣвчій, Оедоръ Цибуля

пришелъ самостоятельно. Наконецъ, прибылъ и Окошниковъ въ сопровожденіи «просто такъ» мальчика лѣтъ четырнадцати на видъ, но который увѣрялъ, что ему всѣ семнадцать, Николая Петровича Разумовскаго. Разумовскій несмотря на драгій костюмъ и неопредѣленное положеніе, имѣлъ видъ менѣе забитый и отчаянный, нежели пѣвчій и сапожникъ. Приключенія и самостоятельность жить своимъ умомъ развила въ немъ сообразительность практическую въ отличіе отъ теоретическихъ умничаній Васи Николаева. Послѣдній мелькомъ взглянулъ на вновь пришедшаго и, сухо молвивъ «здравствуй», сунулъ ему свою руку. Очевидно, Разумовскій ему не понравился, потому что съ послѣдующими словами онъ обращался все къ двумъ другимъ подначальнымъ, будто Окошниковъ и его протеже здѣсь совсѣмъ не было.

— Теперь всѣ въ сборѣ?

— Всѣ.

Затѣмъ въ краткой рѣчи Николаевъ напомнилъ объ общемъ планѣ, указалъ на всю значительность ихъ предпріятія, на возможную славу, назначилъ, что каждому дѣлать и ясно далъ понять въ концѣ, что, какъ во всякомъ дѣлѣ, имъ нужно согласіе, ко-



Разъездъ въ лѣсу во время полета надъ лѣсомъ непріятельскаго аэроплана.

Рис. П. Митурича.

торое скорѣ всего достигается добровольнымъ подчиненіемъ кому-нибудь одному.

Оконниковъ задумчиво сгребалъ пальцемъ снѣгъ съ полѣнницы и размышлялъ, почему Васины слова совершенно не производятъ такого дѣйствія, какъ печатныя донесенія, никакой торжественности нѣтъ, а только чувствуешь досаду, зачѣмъ это такъ трескуче и не по настоящему. Неизвѣстно, что думали остальные бѣглецы, но когда Николаевъ умолкъ, Разумовскій сиротилъ прямо къ дѣлу:

— Деньги то на дорогу есть?

— Найдутся,—надменно отвѣтила атаманъ.

— То-то, а то безъ денегъ недалеко уѣдешь.

— Вотъ я шестьдесятъ семь копѣекъ принесъ,—прошепелявилъ сапожникъ и передалъ пригоршню мелкихъ денегъ Николаеву.

— У меня тоже рубль есть,—проговорилъ Цибуля, но денегъ не вынулъ.

— У меня девятнадцать рублей набралось,—объявилъ, покраснѣвъ, Оконниковъ и открылъ было кошелекъ, но Николаевъ остановилъ его, говоря:

— Не надо отдавать, наоборотъ возьми и у другихъ, ты будешь нашимъ казначеемъ. Вотъ мои пять рублей. Господа, давайте Оконникову у кого сколько есть!

Съ избраніемъ Ильюши въ казначей, вообще началось болѣе точное распредѣленіе должностей. Самъ Николаевъ, конечно, оказался вдохновителемъ, администраторомъ и заправилкой, на сапожника возложили обязанность чинить въ дорогѣ ихъ платье, вообще слѣдить за гардеробомъ, Цибуля вызвался заботиться о пропитаніи а кромѣ того сказалъ, что, если денегъ не хватить, то онъ можетъ по дорогѣ «славить Христа».

— Кому Христа то будешь славить? Нѣмцамъ что ли? Нѣтъ, ужъ если монетъ не будетъ хватать, или чего тамъ другого, то я вамъ достану!—возразилъ Разумовскій.

— Ты достанешь? Какъ не достать! Воришка ты, больше ничего. Смотри, Оконниковъ, у тебя бы онъ не стащилъ!..

— Зачѣмъ же я буду свои собственныя таскать? А если бы и случилось, то это все равно, что изъ одного кармана въ другой переложить.

— Однимъ словомъ теперь вамъ все извѣстно, — прекратилъ пререканія Николаевъ,—завтра на Варшавскомъ вокзалѣ. На Варшавскомъ, не на

Балтійскомъ. Ты, Оконниковъ, приходи раньше съ Цибулей и Разумовскимъ и возьми билеты, а я приведу Ямова. Поняли?

Очевидно, всѣ поняли, потому что, когда на слѣдующій день Николаевъ съ сапожникомъ подошли къ вокзалу у подъѣзда ихъ встрѣтилъ Цибуля и повелъ внутрь, гдѣ въ длинномъ хвостѣ передъ кассой стоялъ Ильюша, а Разумовскій караулил какіе-то узелки.

— Это чьи же вещи?—спросилъ администраторъ, указывая на свертокъ въ темномъ платкѣ съ цвѣточками.

— Это нашъ казначей привезъ. Не знаю, что тутъ у него находится.

— Тутъ думку я захватилъ съ собою,—объяснялъ подошедшій съ билетомъ Оконниковъ,—поѣсть кое-что и перемяна бѣлья.

— Запасливый малый! — сказала Разумовскій.

Но Николаевъ даже не улыбнулся, а тотчасъ сталъ вполголоса дѣлать распоряженія. Онъ былъ блѣденъ и страшно серьезенъ. Оконниковъ казался заплаканнымъ. Остальные имѣли видъ довольно обыкновенный. Когда поѣздъ тронулся, Ильюша и пѣвчій перекрестились.

— Бабушка научила?—спросилъ сапожникъ.

— Чего это?

— Креститься.

— Я самъ знаю.

— Ничего, ничего, казначей!—подбодрялъ его Разумовскій:—это не мѣшаетъ, скоро вѣдь сдѣлаемся «христовымъ воинствомъ».

Однако, самъ не послѣдовалъ Ильюшину примѣру. Николаевъ все стоваривался, что отвѣчать, если въ дорогѣ ихъ будутъ спрашивать, куда они ѣдутъ. Но они не успѣли рѣшить, такъ какъ въ вагонъ уже входили для провѣрки билетовъ. Старый служащій, посмотрѣвъ поверхъ очковъ на пятерыхъ путешественниковъ, спросилъ:

— А большихъ съ вами никого нѣтъ?

— Нѣтъ,—бойко отвѣтилъ Николаевъ.

— Куда же вы всѣ ѣдете?

— Въ Кіевъ къ дядѣ,—вдругъ отозвался для всѣхъ неожиданно Цибуля.

— Что же, вы всѣ родня между собою?

— Кто такі родня, а кто такъ сосѣдски...—продолжалъ, не смущаясь пѣвчій.

— Почему же у васъ билеты въ С., разъ вы ѣдете въ Кіевъ?

— Тамъ на лошадяхъ доберемся.

Служащій помолчалъ немного, потомъ произнесъ:

— Знаете что, господа? Мнѣ, конечно, все равно, но можетъ случиться, и даже очень можетъ, что къ вамъ кто-нибудь другой обратится съ тѣми же вопросами, такъ вы придумайте что-нибудь посуразнѣе.

Когда служащіе ушли, Николаевъ набросился на пѣвчаго, зачѣмъ тотъ, не сговорившись съ другими, отвѣчалъ на разспросы.

— А что жъ такое? Видишь, какъ складно все вышло. А покуда мы стоваривались бы, насъ бы всѣхъ арестовали.

— Положимъ, вышло совсѣмъ нескладно,—процѣдилъ Разумовскій,—но насчетъ стовариванья Цибуля совершенно правъ: когда очень приспичетъ, нечего ужъ стовариваться, нужно каждому свое воображеніе имѣть.

— Но какой же выйдетъ порядокъ, если вы меня не будете слушаться?—не унимался Николаевъ.

— При случаѣ и порядку отмѣна бываетъ,—оправдывался Цибуля, радуясь поддержкѣ.

Разумовскій съ Ильюшей легли наверхъ, остальные расположились внизу, серьезные и взволнованные.

Неизвѣстно, спали ли нижніе путешественники и слышали ли они тихій шепотъ, которымъ долго паверху шелестѣли Ильюша съ сосѣдомъ. Наверное, имъ не снилось финала, который ихъ ожидалъ тотчасъ по пробужденіи. Для любого самага прозаическаго сна, было слишкомъ не поэтично лицо жандарма, потребовавшего паспортовъ отъ нашихъ пассажировъ, а самихъ путниковъ пригласившаго въ станціонную комнату. Пошло за нимъ только трое: Николаевъ, сапожникъ и пѣвчій; Разумовскій и Ильюша куда-то пропали.

— Вотъ всегда такъ!—ворчалъ Николаевъ, шагая передъ жандармомъ,—никакого порядка. Сколько разъ я говорилъ что надо держаться всѣмъ вмѣстѣ, не разбиваться. А теперь что же? Мы здѣсь, а они неизвѣстно гдѣ.

— Можетъ быть, трусили, ночью вылѣзли, да вернулись. Деньги то всѣ были у Оконникова...—апатично предположилъ Цибуля.

— Ужасно досадно! А потому что всѣ врозь, никто не слушается!

— А насъ теперь что, домой вернуть?—интересовался сапожникъ.

— Почему я знаю!—нетерпѣливо отвѣтилъ Николаевъ, но по всему было отлично видно, что, если онъ не зналъ,



Въ Буковинѣ на развѣдкѣ.

то прекрасно предполагалъ, что съ ними сдѣлають.

Ихъ, дѣйствительно, благополучно вернули въ Петроградъ къ родителямъ, а тѣ двое такъ и пропали. Въ городѣ ихъ не оказалось и вообще ничего не было о нихъ извѣстно, пока у Оконниковыхъ не было получено письма отъ Ильюши, въ которомъ онъ чисто-сердечно просилъ прощенія за то, что не купилъ гармоніи и рассказывалъ, какъ онъ добрался до позиціи. Письмо это читалось и всѣми вмѣстѣ, и каждымъ членомъ дома отдѣльно, потомъ перешло въ молодцовскую, Прорхоръ Ивановичъ читалъ его кухаркѣ,

затѣмъ носили его по знакомымъ домамъ и сосѣднимъ лавкамъ, пока не выучили почти наизусть. Затѣмъ свѣдѣнія прекратились до самой той поры, когда исполнилась мечта Ильюши и его портретъ съ грязнымъ пятномъ вмѣсто носа ни появился въ «Петроградской Газетѣ» съ совершенно такою же подписью, какъ ему представлялось: «Оконниковъ Илья, 15 лѣтъ». Тутъ вдругъ даже Ильюшина мать получила способность разбирать газетные снимки и, еще не читая подписи, воскликнула: «Господи помилуй! Ужъ это не Ильюша ли здѣсь нарисованъ?»

И опять листокъ запутешествовалъ изъ хозяйскихъ комнатъ въ молодцовскую, потомъ на кухню, по сосѣдямъ и знакомымъ, на праздникахъ его показали даже Ѳедору Цибулѣ, пришедшему Христа славить.

— Илью нашего видаль?—спросила Оконникова пѣвчаго, подавая ему замусоленный газетный листокъ.

— Оконниковъ Илья, — прочталь тотъ и вздохнулъ.

— А мы вотъ не сподобились. Кому какая судьба! а все Николаевъ этотъ егизилъ—вотъ ничего и не вышло.

М. Кузминъ.



Въ теплицу подь Крещенье я пошла.
Легко и нѣжно пахнуть гiацинты...
Гляжу встревоженно въ большія зеркала.
Два зеркала, а сколько лабиринтовъ.
Такъ мертвенно, спокойно и свѣтло,
А свѣчи точно бѣлыя колонны,
Глаза глядятъ съ тревогой неуклонной
Въ блестящее, какъ озеро, стекло.
И вотъ я вижу—шевелится тѣнь
Далекая... (Какъ сердце бьется...)

Не русскіи домъ. Изломанный плетень...
Ведро, забытое у стараго колодца...
А вдаль—развалины въ огнѣ
Грозныя обрушиться нежданно...
Фигура воина на ворономъ конѣ,
А рядомъ—дѣвушка—улыбчивая панна...
Подернуть блескъ зеркалъ туманной синевой,
А сердце трепетное вѣрить чуду...
О, если возвратишься ты живой,
Я все тебѣ прощу, я все забуду!

Татьяна Ефимова.

ВЪ ДЪМА.

— Кажется, что-то ееть впереди.
Смотри, Сазыкинъ,—промолвилъ впол-
голоса поручикъ, приподымаясь на
стременахъ и зорко всматриваясь въ
ночную даль.

— Кубыть ееть, ваше бродь, а
може и нѣтъ, попритчилось...

Солдатъ наклонился съ лошади въ
сторону офицера и просительнымъ то-
номъ добавилъ:

— Такъ что, затянута бы не
худо маненько, ваше бродь...

Щелкнулъ невидимый портсигаръ,
вспыхнула между ладоней спичка и
вскорѣ два веселыхъ огонька зако-
лыхались въ синеватомъ заревѣ ночи.

— А ты Сазыкинъ, папиросу-то
въ рукавъ. Нѣмецкіе бинокли хуже
волчьихъ глазъ: сейчасъ выслѣдятъ...

— Да его, ваше бродь, въ этихъ
мѣстахъ и духу нѣтъ. Утекъ, колбас-
ная душа...

Лошади, устало пофыркивая, сле-
сле трусили. Чувствовалось, что

шерсть на нихъ влажная и покры-
вается инеемъ.

— Но, но,—понукалъ поручикъ
своего буланого:—принягаъ братъ,
скоро отдохнешь...—и въ душѣ улы-
бался этимъ словамъ. —Можно ли
говорить о какомъ бы то ни было от-
дыхѣ, когда вотъ уже третій мѣсяць
онъ почти не вылѣзаетъ изъ сѣдла,
обросъ, на подобіе Робинзона и чув-
ствуетъ, какъ постепенно сорочка
превращается въ кожу, такую же
плотную, пропитанную жирной вла-
гой, какъ и его собственная.

— А какъ ты думаешь, Сазыкинъ,
разживемя мы, сѣна?

— Да коли найдемъ, ваше бродь,
такъ отчего жъ. А коли не найдемъ..
Ахъ, дьяволь!..

...Донеслось до поручика уже от-
куда-то сзади. Онъ остановилъ ло-
шадь.

— Ты что, Сазыкинъ?
— Ахъ, дьяволы собачьи... въ кан

кану попался... Вотъ народъ, пода-
виться имъ гнилой картошкой!..

— Да, что такое?

Поручикъ подѣхалъ ближе.

Въ голубоватой полутьмѣ вози-
лась около лошади сгѣшенная фи-
гура солдата. Лошадь, храпя и фыр-
кая, безпомощно топталась въ снѣгу.

Съ большимъ трудомъ, основатель-
но затупивъ свои шашки, высвободили
животное изъ цѣпкихъ проволочныхъ
колючекъ и вскочили на сѣдла.

— Что муки мученской приметъ
скотина, не приведи Богъ. Сказы-
ваютъ, подь Варшавой, когда нѣ-
мецъ наступалъ, одинъ конекъ отъ
разрыва сердца подохъ. Не выдер-
жалъ, джоже страшно...

— И не одинъ, а много падаетъ ло-
шадей, не вынося артиллерійской
пальбы...

— А на что крѣпкая животина...
Бздить бы, бздить на нихъ, али бы
пахать... Разлюбезное дѣло...



Взяті англійськими уланами німецької батареї возлѣ Менса.



Рис. Катона Вудвиля.

Сазыкинъ умолкъ п весь погрузился въ воспоминанія о деревенскомъ житьѣ-бытьѣ. Порою ему казалось, что лошадь, похрустывая спѣгомъ, бѣжитъ не впередъ, а назадъ, отъ этого начинала слегка кружиться голова.

Сбоку, немного впереди, ѣхалъ поручикъ. Его косматая папаха смутно пырляла въ синей мглѣ. По обѣимъ сторонамъ до самаго горизонта тянулось бѣлое, мертвое поле кое-гдѣ прорѣзанное извилистыми трещинами овраговъ.

Поручикъ, засунувъ правую руку подъ стеганую шинель силится представить, что теперь могла дѣлать жена.

Спитъ она или не спитъ? Да, впрочемъ, можетъ быть и время-то еще не такое позднее?

Поручикъ, зябко вздрогнувъ (лошадь тоже вздрогнула подъ нимъ), отвернулъ полу шинели и досталъ часы. Фосфорическія стрѣлки показывали половину десятаго. Не спитъ еще. Милая!..

— А который часъ, ваше бродь? Дозвольте узнать.

— Половина десятаго, — отвѣтилъ со вздохомъ поручикъ и тутъ же воскликнулъ оживленно:

— Ну, что неправду я говорилъ? Смотри.

— Точно такъ, ваше бродь, вижу...

У самаго края неба, точно оброненный кѣмъ-то окурокъ, краснѣлъ маленькій огонекъ.

— Никакъ жилье? Оно и есть, — воскликнулъ Сазыкинъ.

— Я не ошибся. Вотъ эти кустики мѣшали видѣть ясно... Э, да тутъ когда-то былъ цѣлый поселокъ. Смотри, Сазыкинъ, — труба, обгорѣлые ворота...

Вскорѣ всадники подѣхали къ небольшому домику въ два окошка, единственному жилищу, уцѣлѣвшему отъ недавняго пожара. Окна домика были занавѣшены ветошками.

Въ скважину между колодой окна и занавѣской поручикъ, нагнувшись съ лошади, увидѣлъ внутренность домика: черныя стѣны, лавку, на лавкѣ, позеленѣвшій отъ злости на неряшливую хозяйку, самоваръ; ближе къ окну — убогій столъ съ мигающей на немъ жестянкой лампой-коптилкой.

— Ну, что, Сазыкинъ, стучаться? — спросилъ поручикъ.

— Давайте стукнемъ, вашъ бродь... Можетъ что и наклонется...

Черезъ минуту голубая ветошка слегка отдернулась, и глаза Сазыкина столкнулись съ необыкновенной

величины черными пронзительными глазами. Солдатъ даже отшатнулся.

«Ну, и баба», — подумалъ онъ и сталъ знаками показывать, чтобы женщина вышла.

Та махнула въ знакъ согласія рукой.

— Сичасъ выйдетъ. Не баба, а вѣдьма, ваше бродь... Ей-Богу, — сказалъ Сазыкинъ.

— А что?

— Да, такъ. Ужъ больно глаза не хороши. Чисто уголья...

Шуркнула задвижка. Темная, закутанная въ шаль, фигура стройно обрисовалась на свѣжномъ фонѣ. Тотчасъ же выкатилась изъ подъ калитки лохматая собачонка и кинулась къ ногамъ Сазыкина.

— Пошла ты домовая, — толкнулъ ее солдатъ иинкомъ.

— А-яй, панове, не трогайте бѣдной собачки. Собачка меня стережетъ. — послышался нѣжный, характерно картавящій голосъ.

Поручикъ въ словѣ «меня» уловилъ какой-то особенный кокетливо подчеркнутый смыслъ. «Должно быть, эта дочь Синая очень красива, если съ такимъ игривымъ отгѣнкомъ заявляеть о себѣ» — подумалъ онъ и спросилъ:

— А не можете ли вы, голубушка, указать намъ, гдѣ бы здѣсь поблизости раздобыть сѣна?

— Панове зашли бы сперва погрѣться немного. У бѣдной Рахили найдется самоварчикъ... Панове остались бы очень довольны.

— Спасибо, спасибо. Такъ какъ же на счетъ сѣна?

— Тогда и скажу. Идемте панове за мной. Мой мальчикъ плачетъ.

— Зайти, я найду, только на минуту. Сазыкинъ, поддержишь лошадь...

— Слушаю, — отвѣтилъ солдатъ.

Поручикъ, отгоняя ножнами назойливаго пса, послѣдовалъ за еврейкой.

— Какъ она красива! — воскликнулъ онъ про себя, когда при свѣтѣ жестянки разсмотрѣлъ хозяйку домика.

— Что, нанъ офицеръ такъ смотритъ? — и при этомъ такая улыбка, отъ которой у поручика огненный клинокъ прошелъ сквозь сердце.

«Вотъ дьявольщина, — призывая на помощь легкомысленно — казарменный тонъ, подумалъ поручикъ. Эпизодъ изъ тысячи одной ночи. Этакіи фрукты да если бы лѣтомъ!» Но въ душѣ, помимо воли, наростало что-то большое, властное, и почему-то хотѣлось, чтобы въ плетеной грязной

люлькѣ не было плачущаго ребенка... «Нѣтъ! Что же это я? Надо ѣхать. Сазыкинъ ждетъ» — урезонивалъ себя поручикъ.

Между тѣмъ, красавица-еврейка уже хлопотала надъ чумазымъ самоваромъ. Ребенокъ, пронзительнымъ плачемъ призывалъ мать.

— Чай я все равно не буду пить. Укажите намъ хуторъ и вотъ вамъ...

Поручикъ, покраснѣвъ, сунулъ ей въ руку шуршащую кредитку. На мгновеніе мягкая горячая ладонь прикоснулась къ его пальцамъ.

— Панъ офицеръ купитъ сѣна и вернется сюда. У пана офицера много денегъ, а Рахиль бѣдна...

Духъ заняло въ груди.

— Ты здѣсь Сазыкинъ? — спросилъ поручикъ выходя изъ калитки, и не узналъ своего голоеа.

— Точно такъ, ваше бродь...

— Ну, ѣдемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ всадники остановились у воротъ обширнаго, обсаженнаго со всѣхъ сторонъ вѣковыми липами, фольварка. Двухэтажный съ острой крышей домъ гостепріимно свѣтился всѣми своими окнами, точно для него и не существовала военная гроза.

— Свѣтъ, какъ у праздника. Будемъ стучать, ваше бродь...

— Стучи, да осторожниѣй... не напугай...

— Ну-ка, Господи благослови.

Солдатъ забарабанилъ кулакомъ въ ворота.

— Кто тамъ? — спустя нѣсколько минутъ, съ сильнымъ польскимъ акцентомъ спросилъ по ту сторону воротъ мужской голосъ.

— Русскіе... Отворите-ка. Дѣло есть...

Вѣхали во дворъ, привязали лошадей у крыльца и пошли слѣдомъ за человѣкомъ, оказавшимся работникомъ, въ ярко освѣщенный домъ.

— Милости просимъ, панове! Раздѣлите съ нами хлѣбъ-соль. У насъ сегодня сочельникъ. Мы чуть-чуть забѣгаемъ впередъ, но это ничего. Христось для всѣхъ одинъ, — привѣтливо встрѣтилъ въ дверяхъ нежданныхъ гостей владѣлецъ фольварка.

Это былъ высокій, статный старикъ, прямой потомокъ родовитой краковской знати.

— Благодарю васъ, — сказалъ поручикъ. — Я очень извиняюсь, но прежде всего — служба. Скажите, могу-ли я купить у васъ для своего эскадрона два воза сѣна? Эскадронъ вскорѣ нагонитъ меня...

— Что значить продать? Можно-



Въ турецкой деревнѣ на кавказской границѣ.

Рис. И. Грабовскаго.

ли въ это ужасное время говорить такимъ образомъ? Не нынче-завтра нагрянутъ враги и не только сѣно, но и меня подымутъ на вилы...

— Долженъ признаться, — замѣтилъ поручикъ, — столь праздничный видъ вашего дома меня очень удивилъ...

— Что-жъ дѣлать. Отъ судьбы не уйдешь, а сочельникъ—великій день въ году... Однако, что же мы тутъ стоимъ? Пожалуйте, панове въ столовую... Стася, поди-ка сюда... Проси гостей...

Въ переднюю вышла маленькая поджатая старушка съ личикомъ величиною съ кулачокъ и такой доброй улыбкой, что молчавшій все время Сазыкинъ набрался храбрости и молодецки отпортовалъ: «Здравія желаю. Съ праздничкомъ».

— Здравствуйте, добрые люди. Храни васъ Богъ и Святая Цецилія.

Покушаете съ нами ячменной похлебки. У васъ этого не дѣлаютъ...

— Но мы наследимъ. Какъ видите, калощъ военнымъ людямъ не полагается, — конфузливо осматривая свои оттаявшіе сапоги и лужи подъ ними, сказалъ поручикъ.

Старикъ безцеремонно взялъ офицера подъ руку.

— Пойдите, добрый панъ. Въ такомъ случаѣ разрѣшите раздѣться.

— Ну вотъ, — усадивъ вскорѣ гостей за столъ, сказалъ старикъ... Не угодно ли рюмочку стараго венгерскаго? Оно хоть и вражеское снадобье, а съ дорожки отлично...

За столомъ, кромѣ гостей и старика съ женой, сидѣли еще трое. Ихъ сынъ—безсловесное жалкое существо, съ кривой шеей и несгибающейся правой рукой; дочь—вдова, милолицая, полная женщина—точный портретъ отца, и внучка, подростокъ

лѣтъ двѣнадцати съ пышными, совершенно бѣлыми кудряшками, дѣлавшими ее похожей на одуванчикъ.

— Благодарю васъ, — принимая тарелку съ ячменемъ сказалъ поручикъ. Однако, какъ же это такъ вы остаетесь здѣсь, не понимаю. Крутомъ—война, ужасъ, грабежи...

— Умру, а не покину своего гнѣзда, — отвѣтилъ съ достоинствомъ старикъ.

— Онъ у меня иногда очень упрямъ, замѣтила старушка.

— Одинъ разъ уже судьба спасла меня, — продолжалъ маститый хозяинъ. Вы, навѣрно, проѣзжали поселкомъ, отъ котораго уцѣлѣлъ только одинъ домикъ корчмарши?..

Поручикъ покраснѣлъ до корней волосъ и пробормоталъ въ тарелку: «да, оттуда мы и нашли дорогу сюда».

— Ну, такъ вотъ. Поселокъ былъ разграбленъ, сожженъ, а моего имѣ-

ня не тронули, не успѣли. Нагрянули ваши отряды и враги убѣжали вразсыпную. Въ поселкѣ уцѣлѣлъ только одна корчмарша. Это какая-то царица Тамара, долженъ вамъ сказать. Въ ея грязноватыхъ ланкахъ много перебывало людей. Одинъ мой управляющій такъ и погибъ черезъ нее: нашлъ подъ окошкомъ корчмы съ перерѣзаннымъ горломъ. Враги тоже не устояли противъ ея волшебства. Всѣхъ перекростили, а она осталась цѣлехонька, хотя мужа и вздернули на воротахъ. Хороши, смиренный былъ еврейчикъ... Часто хаживалъ ко мнѣ за хмѣлемъ для пива...

— Да исторія,—пробурчалъ поручикъ.

— Я видѣть не могу этой женщины,—вмѣшалась въ разговоръ доселѣ молчавшая вдова.—Какая-то подлая, развратная хищница...

Сидѣвшій напротивъ, уродецъ—юноша судорожно подергивалъ своей кривой, шеей. Видно было, что ему неприятно слушать такія вещи.

«Ага,—подумалъ поручикъ, вглядываясь въ его отечное безкровное лицо.—Ты, микроцефаль, должно быть, тоже потаскивалъ отцовские карбованцы къ ногамъ черноглазой Рахили».

— Владекъ, шелъ бы спать. Тебѣ худо,—заботливо обратилась къ сыну старушка.

Между тѣмъ, венгерское, незамѣтно оказывало свое дѣйствіе.

— Господи, какъ хорошо!—воскликнулъ поручикъ.—Вѣдь вотъ не зналъ васъ, господа, а посидѣлъ съ вами полчаса и точно родные... Васъ, добрый панъ, съ радостью бы назвалъ своимъ отцомъ... Добрая панна Ядвита,—обратился онъ ко вдовѣ—сыграйте что-нибудь, отведите душу... Колыбельную пѣсню Неруда... для Христа-младенца...

Клавиши стариннаго фортепіано вздрогнули, и задумчивые, чуть-чуть пугливые, звуки поплыли куда-то, нѣжно убаюкивая, рождая въ душѣ тихую осеннюю грусть.

— Безподобно, восхитительно!—воскликнулъ офицеръ...

— Да, да,—обратился поручикъ къ запротестовавшимъ хозяйкамъ,—я поѣду... Не могу. Понимаете, вспомнилось слишкомъ много... Тѣсно душѣ... За гостепримство сердечно благодарю...

Онъ поцѣловалъ женщинамъ руки, расшаркался и, сбивчиво бряцая шпорами, пошелъ къ выходу.

Маститый старикъ самъ помогъ ему взобраться на лошадь и крикнулъ гслѣдъ:

— Не долго! Скорѣй возвращайтесь!..

— Черезъ полчаса буду обратно. Можетъ быть, встрѣчу своихъ...

Кругомъ было то же самое холодное, мертвое поле, только стало свѣтлѣй и морозъ усилился.

Когда поручикъ слегка запрокидывалъ голову, сверху лились на него безчисленные лучи звѣздъ. И казалось ему, что небо и земля—исполинская голубая елка, убранная огнями и серебряной ватой, а онъ самъ крошечная игрушка—всадникъ на этой елкѣ. И всѣ тѣ, кто теперь наводятъ тамъ, впереди пушки, стрѣляютъ, бѣгутъ въ атаку—то же маленькія игрушечныя фигурки, созданныя для чѣй-то забавы. И Нина—тоже игрушка. А ты?..

Съ поразительной ясностью обрисовалась въ воображеніи гибкая, полногрудая красавица. Два огненно-черныхъ зрачка завертѣлись передъ глазами, вспыхнули, какъ фейерверкъ и потухли. Острыя шпоры больно впились въ исхудалыя бока лошади...

— Но вѣдь я не «туда» ѣду! Я игрушка на вертящейся елкѣ, и меня несетъ совѣтъ въ другую сторону. Однако, и чепуху же я плету!—сказалъ онъ вслухъ и расхохотался... Что фыркаешь,—обратился онъ къ лошади,—смѣшно?

Онъ перегнулся черезъ луку сѣдла и поцѣловалъ лошадь въ шею.

Большая, красная, всходила за рощицей луна.

Лошадь, точно загипнотизированная, скакала по направленію къ маленькому, затерянному въ снѣжной равнинѣ, домику. Онъ уже виднѣлся поодаль. Знакомый дискантовый лай тонко рѣзалъ холодную настороженную тишину.

— Я только взгляну въ окошко и уѣду,—затягивая удила, сказалъ поручикъ.

Три осѣдланныхъ лошади у изгороди невольно заставили его вздрогнуть.

Въ головѣ сразу просвѣтлѣло. Онъ осторожно завелъ свою лошадь съ другой стороны домика, гдѣ была глухая стѣна, привязалъ и на циночкахъ, стараясь не дохнуть, подошелъ къ окошку.

Голубая занавѣска попрежнему оставалась свободный косичекъ.

Поручикъ взглянулъ внутрь домика и замеръ на мѣстѣ.

Три здоровенныхъ нѣмецкихъ драгуна сидѣли за столомъ и распивали пиво. Одинъ рыжеусый, съ пухлыми наплывшими вмѣсто вѣкъ бровями, очевидно, рассказывалъ что-то уморительное, потому-что, двое другихъ покатывались отъ хохота. Багровый, съ растопыренными огромными пальцами, толстякъ—разказчикъ напоминалъ варенаго омара. Слушатель, лицо котораго было обращено къ поручику, имѣлъ окладистую черную бороду, длинный съ надломомъ носъ и зажившую сѣченую рану на щекѣ.

— А вѣдь это слѣдъ моей шашки. Мы съ этимъ молодцемъ встрѣчались въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Опять случай свель,—подумалъ, дрожа отъ волненія, поручикъ.—А гдѣ жъ она?—и лихорадочно заискалъ глазами.

На полу, за ботфортами жирнаго разказчика лежала совершенно нагая Рахиль. Два коричневыхъ соска смотрѣли вверхъ, какъ обожженные утрепникомъ бутоны розъ...

Поручикъ не помнилъ, какъ схватилъ изъ кобуры револьверъ...

Когда онъ съ обнаженной шашкой вбѣжалъ внутрь домика, два нѣмца уже были мертвы. Третій—толстый разказчикъ, раненый въ лопатку, стоналъ, облокотившись на столъ. Изъ опрокинутой кружки стекало со стола пахучее клейкое пиво прямо на голову одному изъ убитыхъ.

Раненый выстрѣлилъ лѣвой рукой, но промахнулся. Поручикъ обезоружилъ его и почему-то первымъ долгомъ бросился къ люлькѣ.

Маленькій человѣчекъ, проткнутой насквозь, плавалъ въ крови...

Утромъ, слѣдуя съ эскадрономъ, поручикъ, стараясь принять ненавистный видъ, говорилъ Сазыкину:

— Ты вотъ что, Сазыкинъ, если останемся живы и, Богъ дастъ, вернемся домой смотри не проболтайся, куда я ѣздивъ ночью. Спаси Богъ, узнаетъ жена. Хорошо, что нѣмцы постарались предупредить меня. Могъ бы я очутиться на ихъ мѣстѣ...

— Э! съ кѣмъ грѣхъ да бѣда не случается, ваше бродь... Бабы, онѣ хуже сатаны. Истинно. Глазомъ не моргнетъ, окрутить вокругъ пальца. А это—вѣдь сушая вѣдьма. Клянусь Богомъ, у ней хвостъ былъ.

Солдатъ крѣпко затаился и, бросая окурокъ, добавилъ:

— Слава Богу, обошлось.

А. Липецкій.



Дѣвичье гаданіе.

Мы пололи снѣгъ морозный,
Воскъ топили золотой
И веселою гурьбой
Провожали вечеръ звѣздный.

Пропустила я межъ рукъ
Шутки, пѣсни подругъ.
Я—одна. Свѣча горитъ,
Полотенцемъ столъ накрытъ.

Ну, крещенское гаданье,
Ты гляди, не обмани!
Сердце, сердце страхъ гони—
Вѣдь постыло ожиданье.

Свѣтлый мѣсяцъ всплылъ давно,
Смотрить, ясный, въ окно...
Серебрится санный путь...
Страшно въ зеркало взглянуть!

Вдругъ подкрадется, заглянетъ
Домовой изъ-за плеча!
Черный воронъ, не крича,
Пролетитъ въ ночномъ туманѣ...

Черный воронъ—знакъ худой.
Страшно мнѣ, молодой,—
Не отмолишься потомъ,
Если суженый съ хвостомъ!

Будь что будетъ! Замирая,
Робко глянула въ стекло.
Въ кругломъ зеркалѣ—свѣтло
Вьется дымка золотая.

Сквозь лазоревый туманъ,
Словно бьетъ барабанъ.
Да идутъ изъ-за лѣска
Со знаменами войска!

Вижу—суженый въ шинели,
Съ перевязанной рукой.
Ну и молодецъ какой—
Не боялся, зная, шрапнели:
Бѣлый крестикъ на груди...

Милый, шибче иди!
Я ждала тебя давно,
Заживемъ, какъ суждено!

Георгій Ивановъ.



"Взвейся сизый голубочек"
 Русская пѣсня ср. сборища Я. Градскова
 Калужской губ.

Музыкально-поэтическое творчество русской женщины-крестьянки.

Въ нашемъ русскомъ народномъ пѣснотворствѣ, какъ и вообще у всѣхъ славянъ, особое и при томъ въ высшей степени почетное мѣсто занимаютъ произведенія, сочиненныя крестьянками. Пѣсни колыбельныя и дѣтскія, дѣвичьи игры; пѣсни танковыя, семицкія и проч. веснянки; пѣсни бытовья, рисующія семейный бытъ и общественное положеніе женщины все это творчество русской женщины, являющееся лѣтописью ея жизни и художественнымъ отраженіемъ какъ ея чувствъ и мыслей, такъ и окружающей ея дѣйствительности. Особое мѣсто занимаютъ пѣсни свадебныя,

онѣ посвящены разнымъ лицамъ, участвующимъ въ свадебномъ обрядѣ; однѣ изъ нихъ поются дѣвушками-подругами невѣсты на свадебныхъ вечеринкахъ, когда онѣ величаютъ невѣсту съ женихомъ и другихъ гостей, преимущественно молодежи. Другія поются только невѣстѣ тѣми же дѣвушками ея подругами въ день дѣвичника «Пропоя», и въ утро передъ свадьбой. Третьи—поются женщинами (иногда вмѣстѣ съ дѣвушками) во время «пропоя» и на свадебныхъ пирахъ—всѣмъ пирующимъ, по очереди. Четвертыя—невѣстѣ передъ тѣмъ какъ везти ее къ вѣнцу,—поѣз-

жанами и другими дѣйствующими лицами свадебнаго обряда, родственниками ея, стариками, старухами и т. п. Существуютъ пѣсни въ честь супруговъ, вдовъ, вдовцовъ, солдатокъ, старухъ, стариковъ и проч...

Пѣсни эти въ настоящее время встрѣчаются очень рѣдко, ихъ можно услышать только въ самыхъ глухихъ, отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества, да и то не всегда; нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ до того рѣдко исполняются, что даже живя въ деревнѣ, присутствуя на свадьбахъ и вообще изучая и наблюдая жизнь и обычаи крестьянства, можно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ни услышать ихъ ни разу. Очень много ихъ уже забыто, но часть еще хранится въ памяти народа, преимущественно—женской его половины.

Мужчины этихъ пѣсенъ не знаютъ и, за весьма рѣдкими исключениями, почти никогда не принимаютъ участія въ ихъ исполненіи; они предпочитаютъ пѣсни, имѣющія другой характеръ: историческія, разбойничьи, рекрутскія и т. д. Словомъ—такія, въ которыхъ имѣется нѣкоторый налетъ романтизма, элементъ героическаго и т. п.

Женщинѣ, ея консерватизму обязаны мы тѣмъ, что наше народное пѣснотворчество еще не совсѣмъ умерло, и что, несмотря на разлагающее вліяніе гармошки и грамофона, мы иногда, имѣемъ возможность слышать, такіе удивительные образцы народнаго пѣснотворчества, передъ которыми сплошь и рядомъ блѣднѣютъ многіе произведенія современныхъ композиторовъ.

Прилагаемая при семъ въ видѣ иллюстраціи бытовая пѣсня, записана мною въ Калужской губерніи, но мнѣ пришлось слышать ее и во многихъ другихъ мѣстахъ, только не въ настоящее время, а лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Теперь она забыта.

Сюжетъ ея не сложенъ. Дѣвушка жалуется на свою мачеху; но несмотря на всю непоэтичность такого сюжета,—эта эта кроткая жалоба дѣвушки,—представляетъ собою одинъ изъ совершеннѣйшихъ по своей глубинѣ и законченности примѣровъ музыкально-поэтическаго творчества женщины. Красивая, искренняя мелодія ея въ натуральномъ тембрѣ трогательно-поэтична и оригинальна.

Гармонизація ея—сдѣлана примѣнительно къ оркестровымъ колоритамъ и звучности и такъ какъ на фортепиано она будетъ звучать нѣсколько блѣдно.

ВЗВЕЙСЯ СИЗЫЙ ГОЛУБОЧЕКЪ.

Народная русская пѣсня Калужской губерніи.

Взвейся сизый голубочекъ,
 Сядь на правое плечо.
 Полюбуйся, мой дружочекъ,
 На мое бѣло-лицо.
 Мое личико бѣленько.
 Всегда какъ жаръ горитъ,—
 Моя мачеха-злѣйка,—
 Всегда журитъ-бранитъ.

Я. Прохоровъ.



Въ непріятельской траншеѣ послѣ взятія ея русскими.



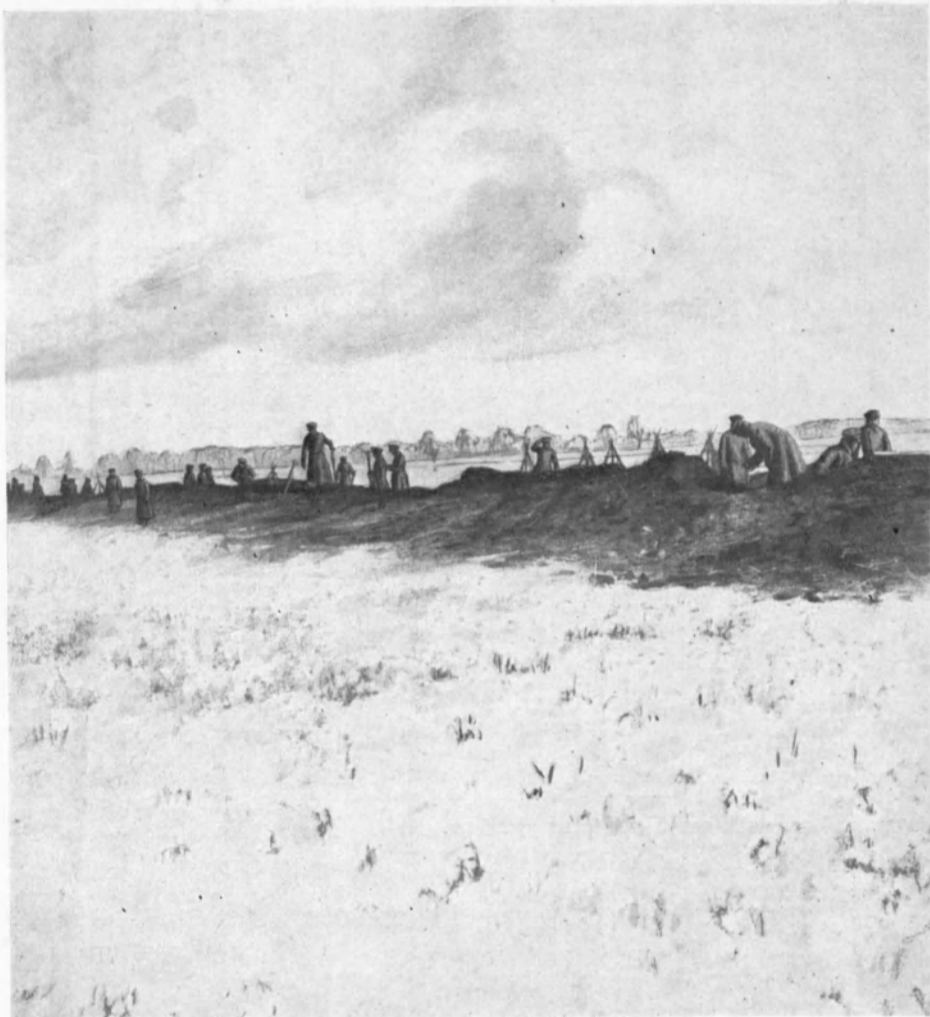
Извѣстная собака маіора Ричардсона, наведшая англичанъ на слѣдъ германцевъ.



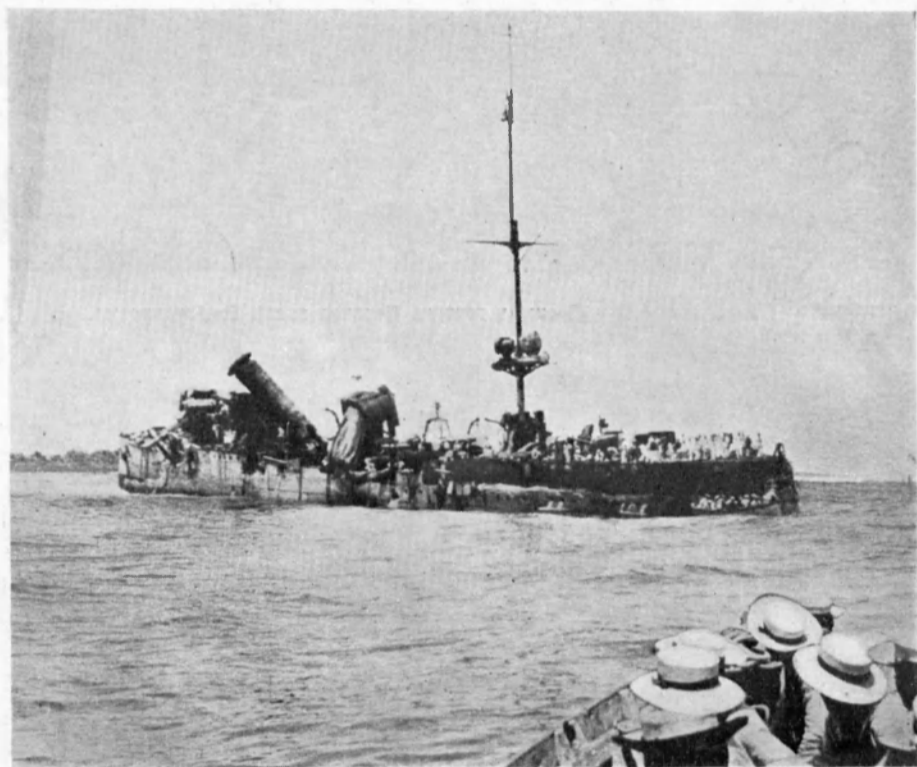
Площадь городка Первиза послѣ бомбардировки.



Плѣнные австрийцы на работѣ.



Рытье окоповъ.



«Эмденъ» послѣ послѣдняго боя.



Хорунжий М. П. Филимоновъ, урсженецъ Нижне-Кондрюченской станицы 1-го Донского округа. Бывшій паспортистъ 1-го участка Марвской части, ушедшій на войну заурядъ-хорунжимъ. За выдающіеся геройскіе подвиги награжденъ Георгіемъ 1-й степени и чиномъ хорунжаго. Въ командѣ Филимонова состоитъ 30 нижнихъ чиновъ, всѣ — георгіевскіе кавалеры.

ГАДАЛЬЩИЦА.

Отъ домашнихъ кроюсь,
Въ банѣ заперлась,
Безъ креста, безъ пояса,
Не благословясь.

Костенѣютъ пальцы,
Спички не зажечь,
Будто кто-то валится
Съ потолка на печь...

Трескъ... Въ глазахъ померкло...
... Двѣ свѣчи зажгла,
Зеркало на зеркало,
Млѣя, навела:

Корридоръ открылся
Въ глубинѣ стекла,
Свѣчи, какъ у клироса,
Свѣчи безъ числа.

Смотрить, не моргая,
Въ трепетную даль;
Слезы надвигаются,
Острыя, какъ сталь,

Щекотать, сползая,
Липнуть подъ щекой...
Что-то ждетъ—«Исаія».
Иль «за упокой?».

Видѣтся ль съ дружочкомъ
Милымъ по веснѣ?—
Написаль, что летчикомъ
Будеть на войнѣ:

Съ парусинной птицей
 На открыткѣ снѣтъ,—
 Такъ орломъ и снится ей
 Пять почей подь рядъ...

«Знаюсъ съ темной силой,
 Душу загубя,
 Чтобы, сизокрылый мой,
 Повидать тебя!

«Въ зеркалѣ возникни,
 Замути огни,
 Милый, только выгляни,
 Только промелькни!».

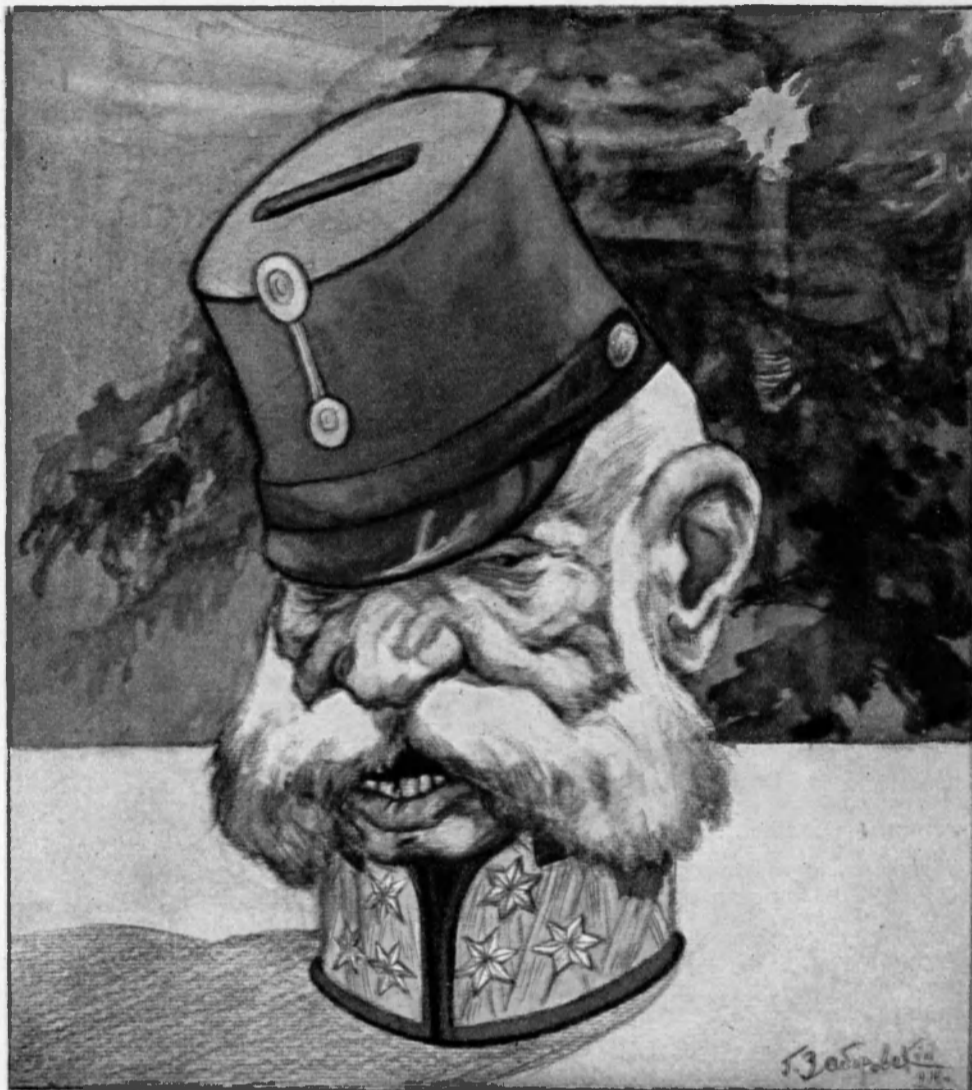
Смотрить, какъ примерзла,
 Что столбикъ нашемъ...
 Зеркало заерзало,
 Грохнулось на столъ.

Утромъ баялъ батька,
 Что убить Егоръ...
 Бѣгали за Катенькой
 Со двора на дворъ.

Въ полдень стражникъ пьяный
 Выводилъ: числа...
 Велѣдствіе угоранія
 Въ банѣ померла...

Долго дѣвки зябли
 Въ банѣ у дверей,—
 Рассказать нельзя было
 Катѣ злыхъ вѣстей...

К. Антиповъ.



Мопилка пораженій.

Кар. Г. Заборовскаго.

Развѣнчанный воинъ.

Последняя новинка опереточныхъ театровъ.

дѣйствующія лица:

Воинъ въ блестящихъ латахъ.	Первый придворный.
Старикъ съ сѣдыми бакенбардами.	Второй придворный.
Германія	Ахметка, слуга—турокъ.
Австрія } подруги.	
Италія }	

Равнина. Слышится отдаленная канонада. На авансцену пробирается сквозь кусты Воинъ въ блестящихъ латахъ. Онъ задранированъ плащомъ, на головѣ у него прусская каска, высоко торчатъ закрученные вверхъ усы. За нимъ, еле держась на погахъ, бредеть дряхлый Старикъ съ сѣдыми бакенбардами. Далѣе — придворные, среди нихъ маленькій турокъ Ахметка въ красной фескѣ.

Воинъ.
 Старикъ, не трусь... иди за мной,—
 Тебя я славою одѣну...

Старикъ.
 Боюсь, что пачатой войной
 Ты навсегда погубишь Вѣну!

Воинъ.
 Я знаю толкъ во всѣхъ дѣлахъ,
 Мои слова, какъ пули, мѣтки...
 Спроси хотя бы у Ахметки,—
 Кто я ему?

Ахметка (*торопливо кланяясь*).
 Аллахъ! Аллахъ!

Воинъ (*поетъ на мотивъ
 «Качелей» изъ «Веселой Вдовы»*).

Буду властителемъ міра,
 Будетъ прославленъ Берлинъ...
 Пусть захохочетъ мортира!
 Взвейся нашъ Ценнелингъ!
 Рокъ обезпечилъ не мнѣ ли
 Лавры побѣдныхъ гирляндъ?

Всѣ придворные хоромъ.

Громче взрывайтесь, шрапнели!
 Славься, нашъ фатерляндъ!

Старикъ (*поетъ на мотивъ
 пьески Периколы изъ «Птичекъ
 пѣвчихъ»*).

Тебѣ я быть вѣрнымъ до гроба,
 Мой другъ, всей душою хотѣлъ...
 Но только ошиблись мы оба
 Пасчетъ положенія дѣлъ...
 Пути миролюбья отбросивъ,
 Напрасно мы ринулись въ бой...
 Я вѣчный твой другъ Францъ-Юсифъ,—
 Но лучше разстаться съ тобой!..

Воинъ (поетъ на мотивъ известнаго романа).

Не уходи! побудь со мною!
Я такъ давно тебя люблю...
Я всѣхъ враговъ твоихъ войною
И обожгу, и раздавлю...

Внезапно переходя на мотивъ изъ «Прекрасной Елены».

Я... всѣхъ... храбрѣй всѣхъ сосѣдей,
Брѣй всѣхъ сосѣдей...
Храбрый царь Тевтонъ...
Да храбрый царь Тевтонъ!..
Бли-зюкъ я... къ полной побѣдѣ,
Къ полной побѣдѣ...
Всюду кровь и стонъ...
Да всюду кровь и стонъ...

Старикъ (поетъ на мотивъ известнаго романа).

Скажи, зачѣмъ тебя я встрѣтилъ?
Зачѣмъ, зачѣмъ ты такъ жестокъ?
Зачѣмъ войну съ Россіей ты намѣтилъ
И гналъ австрійцевъ на Востокъ?..
Не вѣрю радостнымъ вѣстямъ,—
Меня раздѣлять по частямъ!
Погибнемъ мы отъ вражьиxъ путей,
И будетъ мнѣ—совсѣмъ капуть!..

Воинъ (съ презрѣніемъ глядя на него).

Старикъ, мужайся...

Обращаясь къ придворнымъ и показывая на старика.

Слишкомъ простъ онъ
И слабъ умомъ на склонѣ лѣтъ:
Онъ не пойметъ, что Drang nach Osten—
Нашъ историческій завѣтъ...

Старикъ (бормочетъ).

Въ странѣ начнется скоро голодъ,
Я старъ, наслѣдникъ очень молодъ...

Воинъ (поетъ на мотивъ изъ «Периколы»).

Онъ подрастетъ! онъ подрастетъ!
Онъ подрастетъ,—на то вѣдь Габсбургъ
онъ!..

Старикъ (не слушая).

Тревога страшная гнететъ,—
Мы потеряемъ древній тронъ...

Воинъ (становится въ торжественную позу и, молитвенно устремивъ глаза къ небу, поетъ изъ «Продавца птицъ»).

Мой любимый старый дѣдъ—
Славный первенецъ побѣдъ...
Духъ его зоветъ къ войнѣ,
Онъ все время шепчетъ мнѣ:
Ну еще... ну еще... ну еще...
Бейся ты... горячо... горячо!..

Внезапно переходя къ вальсу изъ «Корневильскихъ колоколовъ».

Надъ цѣлымъ міромъ
Былъ я кумиромъ—
Войной иль миромъ
Вѣчно дразня...
Всѣ въ каждомъ дѣлѣ
Только глядѣли,
Веду къ бѣдѣ ли,
Жажду-ль огня...

Въ упоении начинаетъ раскачиваться въ тактъ вальса, это движеніе постепенно передается всѣмъ придворнымъ.

Старикъ (поетъ на мотивъ куплетовъ изъ «Боккаччо»: «Моя вина»).

Былъ ты, правда, очень страшень,
Былъ высокъ твой царскій тронъ,—
Но теперь ты ошарашень,
Сдавленъ ты со всѣхъ сторонъ...
Еле держится корона,
И лишишься скоро трона...
Не моя въ томъ вина,—
Наша жизнь вся сполна,
Намъ судьбой суждена!..

Ахметка (поддерживая старика поетъ на тотъ же мотивъ).

На Кавказъ меня ты двинулъ,
И пошелъ я на Кавказъ,—
Но, какъ только ротъ разинулъ,
Лѣзутъ русскіе какъ разъ...
Убѣжалъ я въ безпорядкѣ,—
Засверкали только пятки!..
Не моя въ томъ вина,—
Наша жизнь вся сполна
Намъ судьбой суждена!

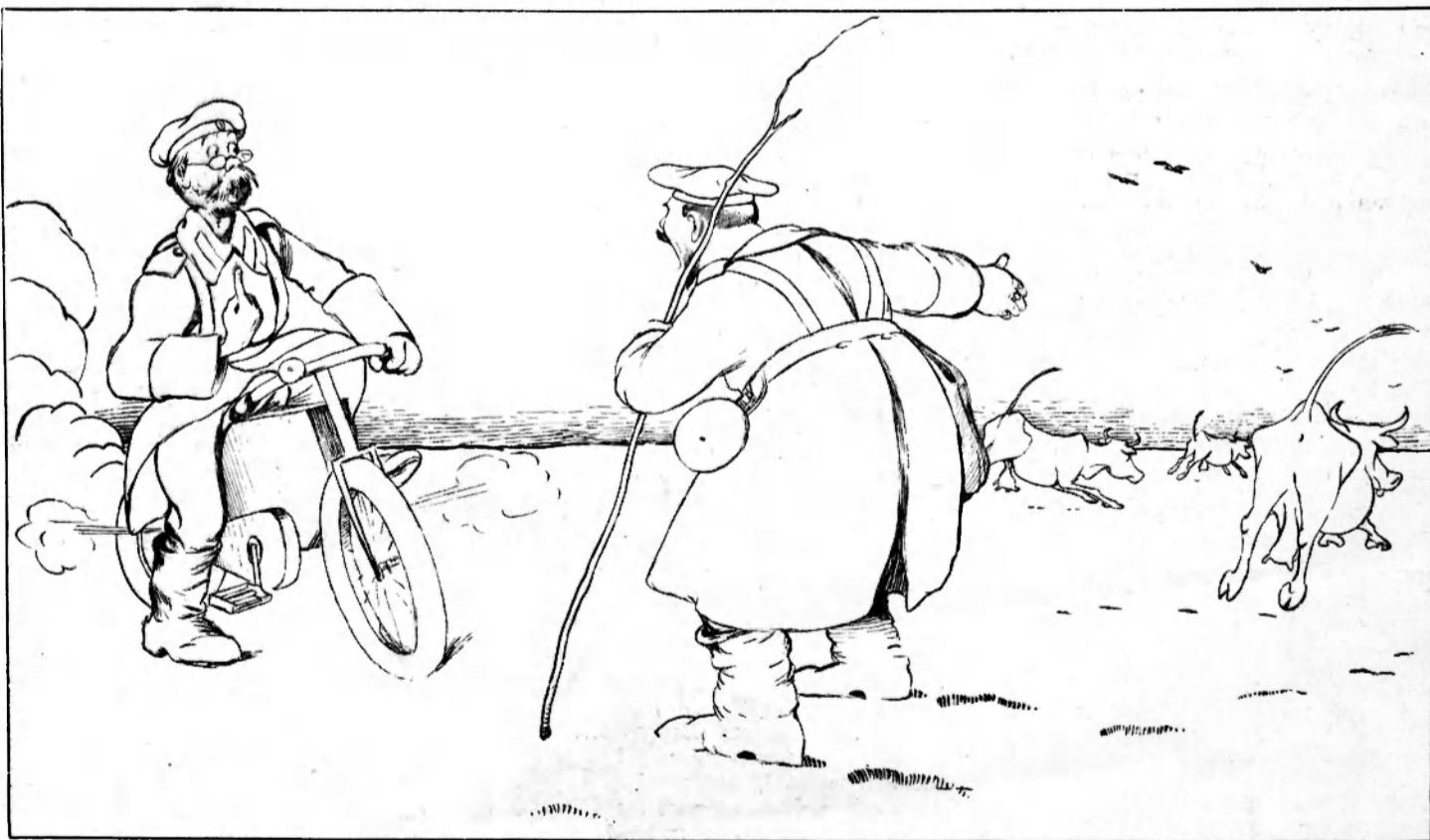
Воинъ (грозно).

Довольно, трусы!.. Вашъ слѣпой испугъ
Не омрачить мнѣ царственнаго взора:
Германія со мной, и Австрія мнѣ другъ,
Италія вошла въ союзный этотъ кругъ
И не нарушитъ договора.
Не ополчится на подругъ...

Первый придворный (похожъ на кн. Булова... Поетъ на мотивъ изъ «Прекрасной Елены»).

Но три подруги спорить стали,—
Вижу я давно уже...

ВОЕННОБЫТОВАЯ СЦЕНКА.



Кар. А. М.

Тутъ будетъ бой, удары стали
 На австрійскомъ рубежѣ...
 И третья... третья... паровить,—
 Такой ужъ тонъ, такой ужъ видъ,
 Таковъ огонь прекрасныхъ глазъ,—
 Ее смущаетъ ловеласъ...

Второй придворный (поетъ
 на мотивъ изъ «Гейши»).

Англійскій матросъ—молодецъ
 Избаловавъ счастливой судьбою,—
 Былъ всегда и вездѣ покоритель сердецъ
 И красотку поспорить съ тобою...

Воинъ (перебивал).

Нѣтъ! Съ этимъ англійскимъ матросомъ
 Еще раздѣлаюсь я вдругъ...
 Позвать сюда всѣхъ трехъ подругъ,—
 Я озадачу ихъ вопросомъ...

Выходятъ подруги: Германия—полногрудая,
 краснощекая блондинка, Австрія—
 томная шатенка съ блудливымъ взглядомъ,
 Италия—жгучая, черноглазая брюнетка.

Воинъ (приближаясь
 къ Италии и заигрывая съ нею).

Скажи, красавица, кому
 Сулишь ты пламенные ласки?
 Кому смѣются эти глазки,—
 Увы, никакъ я не пойму...

Италия (поетъ на известнѣйшій мотивъ).

Плыви, моя гоцдола,
 Влекумая судьбой...
 Я больше ореола
 Не вижу надъ тобой...
 Другіе на примѣтѣ,
 Иные пынче дни...
 Ну, развѣ въ цѣломъ свѣтѣ
 Съ тобою мы одни?..

Воинъ.

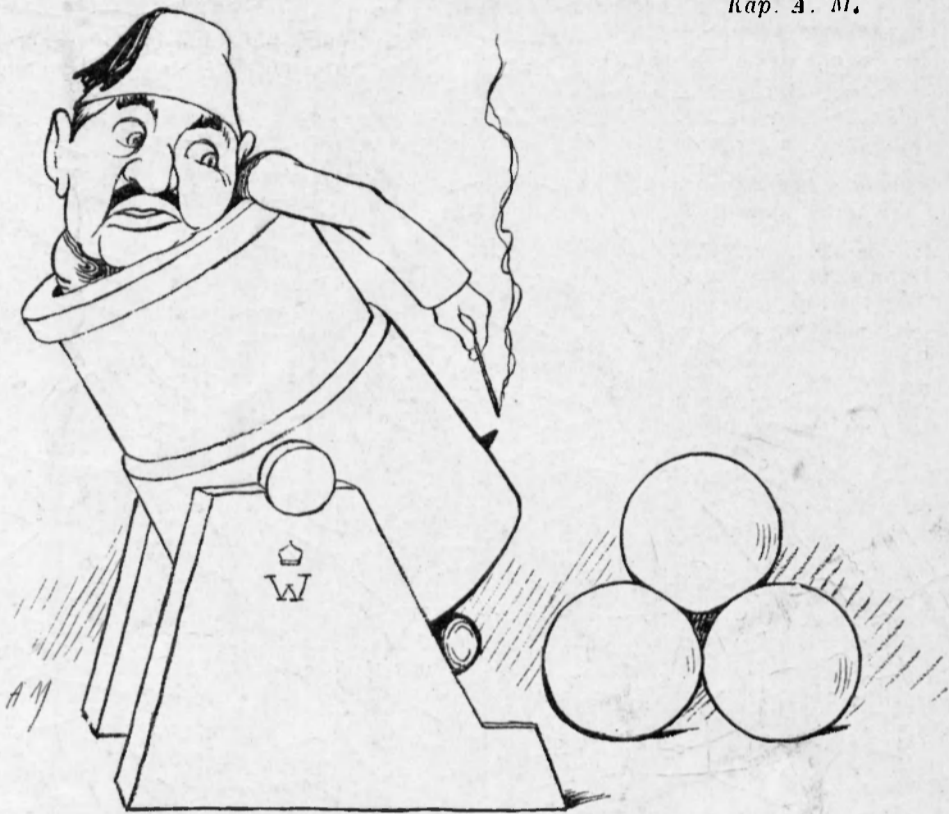
Измѣнница!.. О, что ты говоришь!..
 Тебя влекутъ и Лондонъ, и Парижъ...
 Обращаясь тогда къ Австріи, заискивающимъ тономъ.

Но ты... ты, Австрія... со мной ты все
 раздѣлишь,
 Испытанныхъ друзей мы узнаемъ въ
 бѣдѣ лишь...

Австрія (поетъ на Штраусовскій мотивъ изъ оперетки «Въ вихрь вальса»).

Правится вѣнкамъ
 Вальса мотивъ,—
 Къ легкимъ измѣнкамъ
 Будь не ревнивъ...
 Ты господиномъ
 Сталь черезчуръ...
 Я-жъ съ славяниномъ
 Сдѣлаю туръ...

Кар. А. М.



Новое автоматическое германское орудіе.

Воинъ (въ ужасѣ отступая).

Продажная!.. Съ врагами тоже вкупъ...
 Поворачиваясь къ Германии.

Лишь ты осталась мнѣ—о, meine zusse
 Puppe!

За то люблю тебя вдвойнѣ...
 Что скажешь ты, мой ангелъ, о воинѣ?

Германія (сначала тупо молчитъ а потомъ, вперивъ въ Воина свой мутный взглядъ, начинаетъ пѣть изъ «Веселой вдовы»).

Dummer, dummer Reiter,
 Reitet immer weiter...

Общій хоръ (немногу присоединяясь къ ней).

Глупъ онъ, глупъ онъ, значить,—
 Дальше, дальше скачетъ...
 Около Варшавы
 Всѣ пути шершавы...
 Ну-ка, говори же,
 Какъ бывалъ въ Парижѣ?
 Объясни въ разсказѣ,—
 Какъ тамъ на Кавказѣ?

Поютъ все громче и громче, насъдая на оторопѣваго Воина.

Глупый, глупый всадникъ,—
 Общихъ бѣдъ разсадникъ,—
 И куда ты скачешь?
 Скоро ты заплачешь...

Обступаютъ его со всѣхъ сторонъ.

Воинъ (весь сгорбившись и укрываясь отъ нихъ плащомъ, поетъ изъ «Периколы»).

Какъ гражданинъ совсѣмъ свободный,
 Чтобъ не узнать меня никто,
 Пойду бродить въ толпѣ народной
 Инкогнито, инкогнито...
 Мои враги, конечно, зорки,
 Но удеру я изъ дворца,—
 И буду жить потомъ въ Нью-Йоркѣ,
 Плащомъ закрывши полъ-лица...

Хоръ (продолжая наступать).

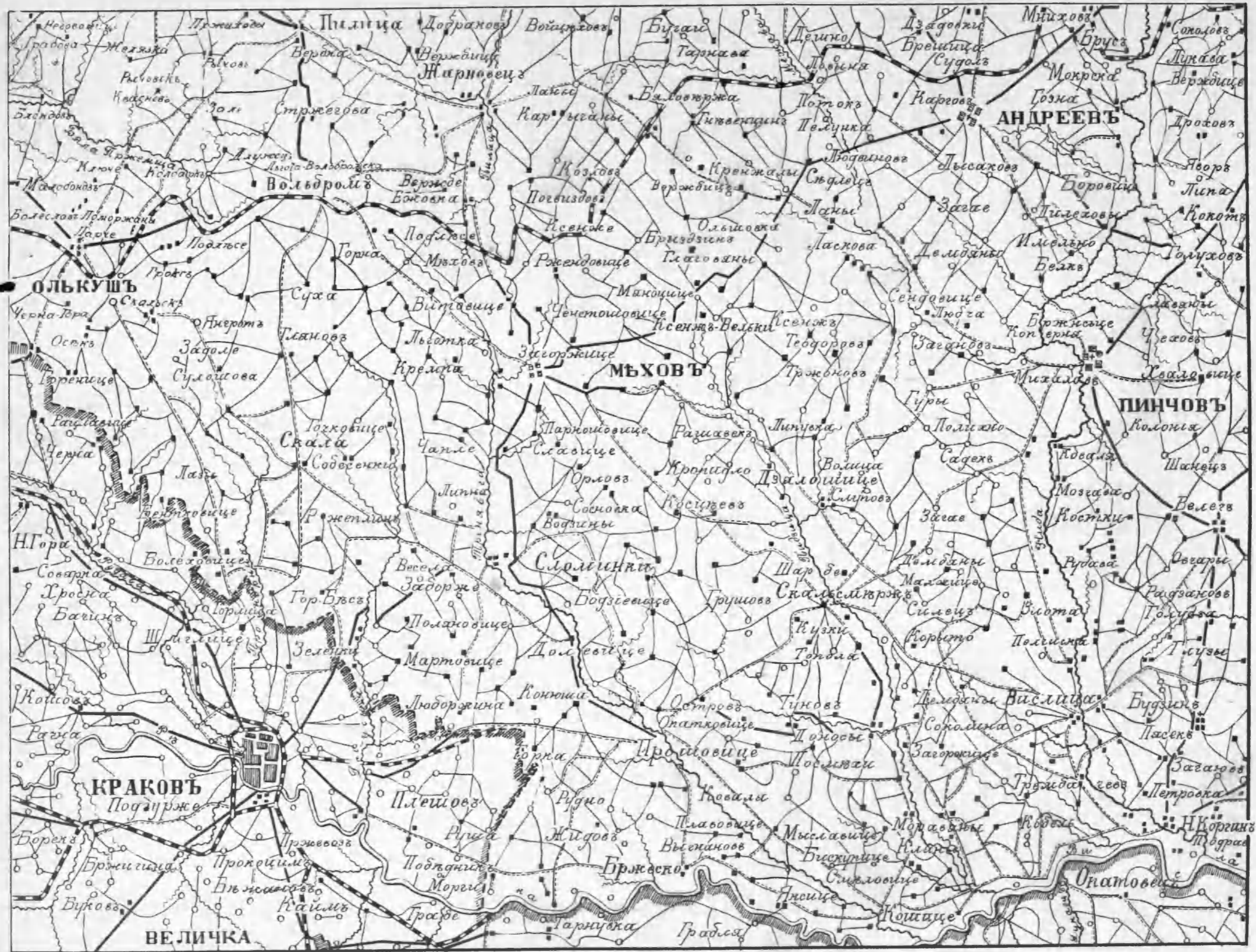
Глупый, глупый всадникъ,—
 Общихъ бѣдъ разсадникъ!
 Глупый, глупый всадникъ тотъ!..

(Запавѣсь).

В о о.



КАРТА ЗАПАДНОГО ТЕАТРА ВОЙНЫ.



Цѣна номера 25 коп.